

С.Г. Шишкина

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: «НОВОЯЗ» ДЖОРДЖА ОРУЭЛЛА

Ивановский государственный химико-технологический университет
Email:sgsh52@mail.ru

В статье рассматривается модель искусственного языка, созданная Дж. Оруэллом в его знаменитой классической антиутопии «1984». Подчеркивается, что основная функция «новояза» – манипулирование общественным сознанием в тоталитарном социуме.

Ключевые слова: искусственный язык, манипулирование сознанием, «новояз», антиутопия.

Конец XIX и первая половина XX века характеризуются оживленным процессом создания искусственных языков. Так, к середине двадцатого столетия уже появились Волапюк (1880), Эсперанто (1887), Интерлингва (1903), Новиаль (1928), Бейсик Инглиш (1930), Интерглосса (1943) и другие. Искусственным, в соответствии с антропоцентрическим подходом, считается такой язык, который создан специально для моделирования алгоритмических значений и моделей того или иного класса, то есть, для управления так называемым «искусственным интеллектном». Например, проект Ч. Огдена «Бейсик Инглиш» (“System of Basic English”) – «основной английский» - предлагает вариант языка, словарный состав которого составляют всего 850 слов. Из них – 600 существительных, 150 прилагательных, обозначающих качества и свойства, и 100 глаголов и предлогов. При этом более 60% Бейсика – односложные слова.

Примечательно, что в этот же период создается большое количество литературных утопий. Это, в свою очередь, стимулирует ответный процесс - процесс создания антиутопий. Катализаторами отмеченных явлений стали реалии нового столетия. Вспомним, еще в XVIII веке В. Гумбольдт утверждал, что отношение человека к миру, к предметам обусловлено языком, языковыми традициями. Очевидно, что два процесса – моделирования языков и создания утопий/антиутопий - связаны между собой. Вместе с тем, мировоззренческие установки антиутопического жанра, корректируемые далеко не утопической реальностью, вновь и вновь напоминают об особой роли Языка и Слова в человеческом сообществе. Именно жанр литературной антиутопии

демонстрирует процесс изменения мышления нации в целом и отдельного её представителя как результат целенаправленного воздействия на словарный состав языка.

В этом плане чрезвычайный интерес представляет широко известный роман Джорджа Оруэлла «1984», который давно уже признан классикой жанра литературной антиутопии. Не вдаваясь в детали и не претендуя на еще один образец анализа произведения, напомним, что действие происходит в далеком на момент создания произведения 1984 году в Лондоне. Ныне – это столица провинции Океании, которая после революции на протяжении долгих лет находится в состоянии войны со всем остальным миром. Главный герой, Уинстон Смит, пребывает в весьма смятенном состоянии духа. По сути, с ним происходит то, что характерно для героев классических антиутопий: он переживает процесс «расщепления сознания». Смит больше не верит в истинность учения Партии, которая определяет, направляет и контролирует все аспекты и мгновения его жизни. Он понимает, что в окружающей его убогой действительности нет ничего, что соответствует словесным чеканным и звучным лозунгам. Он уже ненавидит всевидящего Старшего Брата, олицетворяющего мозг и душу Партии. Партия приказывает верить и доверять только ей, а не собственным глазам и ушам и чувствам. Как результат происходящего расщепления сознания, Уинстон совершает мыслепреступление: он, как и герои «Мы» Замятина и «Гимна» Э. Рэнд, начинает вести дневник. Одна из первых его записей гласит: «Свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре». Именно на такую потаенную свободу,

тщательно спрятанную от всех остальных, Смит и решается, не выдерживая психологически постоянного подавления желания выплеснуть наружу обуревающие его мысли. По роду своей деятельности У. Смит занят весьма важным делом. Он исправляет и создает историю, сохраняя ее для следующих поколений. С этой целью он должен просматривать печатные издания, ежедневные и уже ставшие историей, заменять и переделывать цифры, мнения, прогнозы, факты, если они не совпадают с официальным мнением партии. Он выскабливает историю, словно черновик, пишет ее заново, переделывая столько раз, сколько нужно официальной идеологии. О подчистках и переделках затем забывают, и новый виток летописи рождается из уже измененного словесного пространства. В результате ложь становится правдой, которая затем вновь подчищается, рождая другую правду-ложь, и так далее. По сути, Смит постоянно пребывает в вязком словесном пространстве, которое, созданное и откорректированное им концептуально, перемалывает его и определяет направление его мыслей и экзистенции в целом. Заметим, что Уинстон Смит, как раньше Д-503 из замятинского «Мы», проигрывает битву с самим собой, со своим взбунтовавшимся сознанием, вновь превращаясь в бездушную и безвольно-послушную особь безликой массы «мы». В данном контексте нам интересно другое. Оруэлл исчерпывающе демонстрирует процесс перерождения сознания масс благодаря воздействию на него мощного орудия – Слова.

Для осуществления операций такого рода в Океании конструируется искусственный язык, названный «новоязом». Цель «новояза» – обслуживание политической диктатуры. Его суть – изменение лексико-семантического словесного пространства. На этом новом языке в государстве никто не говорит, но его все понимают, так как это официальный язык газетных сообщений и заголовков, то есть, по сути, новый публицистический стиль. Происходит то, о чем позднее, применительно к эпохе советского социализма, будет сказано следующее: создается «... тоталитарный язык, главная функция которого – лишение слов их подлинного смысла. ... в ... лексиконе, согласно этой концепции, слова либо не имеют референта, либо являются заведомо ложными и противопоставленными истинным. ... Пропагандисты, «хозяева» ложного языка, обладают полным знанием его семантики и стремятся создать средствами этого языка своего рода псевдореальность, иллюзорную действительность» [2]. Изменения в языковом строе направлены на управление сознанием. Знакомые, привычные фразы подменяются новыми понятиями, что наполняет их новым содержанием и

производит ошеломляюще-гипнотическое воздействие. Переосмысление и словотворчество – инструменты насилия. Миру даются новые имена, угодные власти. Повторяемые день ото дня, они имплантируются в сознание, вычеркивая устоявшиеся образы, реминисценции и аллегории, заставляя мыслить однозначно. Власть манипулирует общественным сознанием при помощи инверсии знаков в определенной системе понятий («пишем «благополучие», читаем – «дефицит»; пишем «подъем», читаем – «застой»; пишем «временные трудности», читаем – «постоянный кризис») [2].

«Новояз» - искусственный продукт, созданный партией для коррекции памяти человека и его представлений о мире, сочно, вдохновенно и красочно моделируется Оруэллом. Здесь и Старший Брат, который вовсе не родственник, а самый главный, который мистическим образом отовсюду и всегда смотрит на тебя; здесь Министерство Правды, которое уничтожает правдивую информацию, заменяя ее ложной; Министерство любви, которое вызывает страх, двухминутки ненависти и т.д. Основное правило жизни Министерства Правды выглядит как лозунг: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим, кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». Отсюда – необходимость в появлении и насаждении особой системы мышления – двоемыслия, которая представляет собой не что иное, как насаждение штампов, корректирующих поведение индивидуумов.

Вымышленность, искусственность языка подчеркивается и тем, что теоретические его основы и постулаты освещены и объяснены автором в специальном приложении, которое называется «О новоязе». Сам термин – приблизительный калькированный перевод английского «Newspeak», слова, употребленного Джорджем Оруэллом. Новояз, как утверждается в Приложении, «был разработан для того, чтобы обслуживать идеологию англсоца, то есть, английского социализма, государственной структуры Океании. Новояз призван «обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев англсоца... и сделать невозможными любые иные течения мысли», что «достигалось изобретением новых слов, но в основном исключением слов нежелательных и очищением оставшихся от неортодоксальных значений» [4; 7]. «Сокращение словаря, – как объясняет демиург-филолог, – рассматривалось как самоцель, и все слова, без которых можно было обойтись, подлежали изъятию» («reduction of vocabulary was regarded as an end of itself, and no word that could be dispensed with was allowed to survive»), поскольку «новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли». («Newspeak

was designed not to extend, but to diminish the range of thought»). Так, один из персонажей романа, коллега У.Смита, филолог Сайм, должен был «уничтожить слова» (осуществлять, как в первоисточнике сказано, «the destruction of words»). Цель этой операции - прийти к тому, что «каждое необходимое понятие будет выражаться одним-единственным словом со строго определенным значением, а побочные значения упразднены и забыты» («Every concept that can ever be needed will be expressed by exactly one word with its meaning rigidly defined and all its subsidiary meanings rubbed out and forgotten») [7].

В приложении к роману приводится усовершенствованный вариант проекта нового языка. Так, его лексика поделена на три составные части: А (слова, необходимые в повседневной жизни), В (составные слова, специально сконструированные для политических нужд) и С (научно-технические термины). Перед составителями нового словаря была поставлена задача не изобретения нового слова для выражения нового значения, а уничтожения ненужных слов и ненужных значений. Класс «А» насчитывал наибольшее количество наименований, но их число стало намного меньше по сравнению с языком, который существовал реально. «Все неясности, оттенки смысла были вычищены. Насколько возможно, слово этой категории представляло собой отрывистый звук или звуки и выражало лишь одно четкое понятие». Часть словаря «А» объясняет и грамматические основы, весьма незамысловатые, нового языка. Так, отмечается, что одна из его особенностей – гнездовое строение словаря. Любое слово может породить появление другого слова, однако этимологический принцип при этом не соблюдался. Каждое произвольно взятое слово могло стать основой для конструирования отрицания при помощи «не», отсюда появление таких новообразований как «нелицо», «недонос». В конечном итоге, все изменения морфологического плана, как это декларируется в Приложении, были направлены на радикальное уменьшение общего числа гнезд, то есть на то, чтобы «свести разнообразие живых корней в языке к минимуму» [4, с.202]. Особенности категорий склонения, спряжения, образования множественного числа были устранены.

Словарь «В» состоял из специально сконструированных слов для разъяснения политической линии партии, следовательно, именно они, как объясняется, «навязывали человеку, их употребляющему, определенную политическую позицию». Слова «В» представляли собой своего рода стенограмму («a sort of verbal shorthand») [7, p.209]: в несколько слогов они вмещали целый круг идей, в то же время выражая их точнее и убедительнее, чем в обыкновенном языке. Все слова

«В» – составные. Они создавались без какого-либо этимологического плана, соединялись как угодно и в каком угодно порядке. Основным критерием их создания было удобное (то есть, четкое, достигающее определенной, концептуальной цели воздействия) произнесение – необходимое требование публицистического стиля. «В словаре В не было ни одного идеологически нейтрального слова. Многие являлись эвфемизмами. Такие слова, например, как «радлаг» (лагерь радости, т.е. каторжный лагерь) или «мини-мир» (министерство мира, то есть министерство войны), обозначали нечто противоположное тому, что они говорили. Другие слова, напротив, демонстрировали откровенное и презрительное понимание подлинной природы слова, например, «нарпит», означавший низкосортные развлечения и лживые новости, которые партия скармливала массам. Были и двусмысленные слова – с «хорошим» оттенком, когда их применяли к партии, и с «плохим», когда их применяли к врагам. Кроме того, существовало множество слов, которые на первый взгляд казались просто сокращениями, - идеологическую окраску им придавало не значение, а их структура» [4, с.205].

Очевидно, что новый словарь, а по сути новый язык, насыщен сокращениями, аббревиатурами. Он представляет собой смешение лингвистических и экстралингвистических факторов. Напомним, что «новояз» выполнял политическую задачу, именно поэтому словарь фиксирует сужение и изменение первоначального значения слова. Это помогает обезопасить значение от возможных, но нежелательных ассоциаций. В то же время, словарь полон амбивалентных слов, совмещающих два противоположных значения (“joyscamp”, “Reclamation Centers”), то есть язык эвфемизмов, оксюморонов становится основной тенденцией манипуляции языком и, соответственно, сознанием.

Наконец, «словарь С был вспомогательным и состоял исключительно из научных и технических терминов. Лишь немногие из них имели хождение в бытовой речи и в политической речи» [4, с.206]. Оруэлл отмечает, что любой, занимающийся наукой, мог найти любое нужное слово в особом списке. Собственно, и науки как таковой не существовало, поскольку все допустимые значения, а следовательно, и допустимые сферы применения, заменялись одним емким понятием: англсоц. Авторы-составители словаря специально оговорили, что старояз отмирает, и когда этот процесс произойдет окончательно (предполагалось, что это осуществится к 2050 году), «...порвется последняя связь с прошлым».

Исследователями отмечено, что «новояз» имеет как литературные, так и лингвистические

корни [1; 3]. «Новояз» вобрал в себя некоторые черты, характерные для процесса создания «искусственных» языков. Вполне понятна основная задача искусственных или вымышленных языков: сделать так, чтобы можно было выразить любую мысль при помощи небольшого набора слов. По сути, искусственный язык создавался как вариант единого мирового средства общения. В определенной степени Newspeak Д. Оруэлла воплощал представления об идеальном едином языке, модель которого создавалась в пространстве утопических романов, или, например, в ранних сочинениях лингвистического толка. (Заметим вскользь, что еще в 1704 году Г.В. Лейбниц в сочинении «Новые опыты о человеческом разуме» рассуждал о «несовершенстве слов» из-за их многозначности, расплывчатости и неточности семантики, что логически вело к выводу о возможности и даже необходимости замены существующего варианта языка на более простой, облегченный).

Несколько иные цели у «новояза» модели Дж. Оруэлла, что не позволяет говорить о нем как о пародии на «Бейсик» и тому подобные языки. В художественном мире романа «1984» «новояз» несет точную смысловую нагрузку и выполняет строго определенные функции: это средство общения; средство, регулирующее, или, точнее, насаждающее восприятие; средство, создающее своеобразный художественный хронотоп; наконец, язык выполняет и пародийно-сатирическую функцию. Однако нельзя не видеть основного отличия языков вымышленных и «новояза»: последний скуден, но его бедность не принципиально концептуальна. Нет слова, значит, нет и мысли (как, например, в романе «Гимн» А. Рэнд, произведениях П. Акройда, У. Голдинга, Э. Берджесса, О. Хаксли, Р. Брэдбери, В. Войновича и в других антиутопиях).

Нельзя не согласиться с В.Чаликовой, которая приходит к следующим выводам: «...Оруэлл создал образ будущего мира, где мысль, рождаемая во плоти слова, заменится «утиным кряканьем» – физиологической реакцией на идущую

сверху, от абсолютной власти, команду... Ибо восприятие «нового человека», говорящего на «новоязе», дискретно, и вчерашний день для него сгорает в пепел, как сжигаемые в специальной трубе вчерашние газеты»[5, с.296]. Социум, созданный Оруэллом, – это пространство, которое своим наполнением растворяет человека, обращает его в нечто неодушевленное, то есть, лишенное души. Искусственный, обедненный язык, функционирующий в этом легко узнаваемом социуме, становится инструментом манипулирования человеком и отражает процесс обезличивания человека, превращения его в единицу стада. Новояз Оруэлла – явление социальное. Он сам в значительной мере объясняет появление языка подобного рода в своем эссе 1946 года «Политика и английский язык»: «Наша цивилизация разлагается и язык, по общему мнению, должен разделять ее судьбу»[6]. Результат разложения цивилизации, по мысли Оруэлла – это создание антиутопического тоталитарного социума, в котором языку отводится важное место воспитания масс по программе, специально составленной с целью подавить любое творческое начало.

Список использованной литературы

1. Васильев А.Д. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. URL: <http://www.library.cjes.ru/online>. 2009.
2. Михеев А. Язык тоталитарного общества // Вестник АН СССР, 1991. № 8. URL: <http://lib.ieie.nsc.ru>. 2010.
3. Окс М.В. Вымышленные языки в поэтике англоязычного романа XX века (на материале романов «1984» Дж. Оруэлла, «Заводной апельсин» Э. Берджесса и «Бледный огонь» В. Набокова). Ростов-на-Дону, 2005.
4. Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Джордж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989.
5. Чаликова В.А. Об одной лингвистической утопии [Оруэлла] // Социокультурные утопии: реф. сб. ИНИОН. М., 1985. Вып. 3. С. 256-297.
6. Orwell G. Politics and the English language. URL: <http://www.mtholyoke.edu/.../orwell46.htm>. 2011 [дата обращения 25.02.2011].
7. Orwell G. 1984, N.-Y. 1950.

Статья поступила 15.03.2011

Принята в печать 18.03.2011